

УДК 340.1

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВЕТСКОГО И ПОЛЬСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Олег АНДРУХИВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Ивано-Франковского университета права имени Короля Данила Галицкого

Аннотация

В статье осуществляется систематизация и сравнение польского и советского законодательства межвоенного периода в сфере противодействия и борьбы с детской беспризорностью. Анализируются историко-правовые условия возникновения явления детской беспризорности и борьбы с ним на украинских землях в 1920–1930-х годах. Исследуемый период характеризуется активной законотворческой работой и изданием целого ряда постановлений, предусматривающих внедрение мероприятий по предотвращению детской беспризорности и борьбой с ней. Акцентируется внимание на том, что как советское, так и польское законодательство было заидеологизованным.

Ключевые слова: детская беспризорность, детская безнадзорность, советское право, польское право, постановление, нормативно-правовой акт.

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE SOVIET AND POLISH LEGISLATION IN THE FIELD OF COMBATING CHILDHOOD INSPECTION IN THE INTER-PERIOD

Oleg ANDRUKHIV,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Theory and History of State
and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after King Danylo Halytskyi

Summary

The article systemizes and compares Polish and Soviet legislation of the interwar period in the sphere of counteraction and struggle against child neglect. The historical and legal conditions for the emergence of the phenomenon of child homelessness and fighting against it in Ukrainian lands in the 1920s-1930s are analyzed. The period under investigation is characterized by active legislative work and the issuance of a number of resolutions providing for the introduction of measures to prevent and combat child abandonment. Attention is focused on the fact that both Soviet and Polish legislation was full of ideological content.

Key words: child homelessness, child neglect, Soviet law, Polish law, regulation, normative legal act.

Постановка проблемы. Вопрос детской беспризорности является важной социальной проблемой современных стран, несмотря на уровень их правового и социального развития. Особенно остро эта проблема стоит перед странами переходного типа и странами с низким социально-экономическим уровнем развития. Для Украины правовые меры в борьбе с детской беспризорностью не новые, а имеют глубокую историческую традицию. По крайней мере, в течение XX в. можно выделить несколько этапов правовых шагов в преодолении этой социальной проблемы. Первые важные меры в принятии нормативно-правовых актов, предусматривающие внедрение мероприятий на противодействие и борьбу с детской беспризорностью, были осуществлены в течение 1920–1930-х годов.

Актуальность темы исследования обусловливается тем, что советская и польская власть в межвоенный период особое внимание уделяла правовым мерам по борьбе с детской беспризорностью. Накопленная в то время нормативно-правовая база является малоисследованной, а ее сравнения практически не осуществлялось. Сравнительная характеристика польского и советского законодательства в сфере борьбы с детской беспризорностью важна с учетом того, что эти правовые системы представляли различные типы государств, характерной чертой которых была идеологическая составляющая, направленная на подавление украинского национального движения.

Состояние исследования. Политика советского и польских правительств межвоенного периода в сфере

правового противодействия детской беспризорности вызывает интерес среди современных ученых, но прежде всего среди историков. Юристы рассматривают эту проблему исключительно в рамках анализа правовой системы и системы законодательства СССР и Польши. В контексте нашего исследования заслуживают внимания научные труды украинских исследователей А.И. Анатольева, А.С. Бобровского, А.Д. Бондаря, И.М. Власюк, Л. Гольш, Т.В. Долинянской, И.В. Маловичко, А.С. Парашевина, Р. Подкури, Н.П. Трипутиной, А. Шевченко и др.

Целью статьи является систематизация и сравнения советского и польского законодательства межвоенного периода, которое регулировало государственную политику предотвраще-

ния и борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью.

Изложение основного материала.

В состав Польши межвоенного периода входили Львовское, Станиславская и Тернопольское воеводства. В то время на этих территориях был накоплен определенный опыт по преодолению детской беспризорности. Однако он существенно отличался от советского опыта не столько по формам, сколько по содержанию. В частности, на территории Советской Украины инициатором и координатором в преодолении детской беспризорности и безнадзорности выступало государство через свои соответствующие органы, а в Галичине – украинские светские и религиозные организации. Если на территории Советской Украины большевистский режим, исходя из теории о «классовой борьбе», уничтожал своих идеологических противников всеми возможными способами, а затем принуждал их осиротевших несовершеннолетних детей к труду в трудовых и исправительно-трудовых колониях, то в условиях Польши, несмотря на жесткую политику по отношению к украинцам, польское правительство все же не прибегало к таким жестоким методам в отношении идеологических противников, а тем более к членам их семей. Поэтому основным «источником» детей-сирот в Галичине были последствия Первой мировой и польско-украинской (1918–1919 гг.) войн, смертность родителей, миграционные процессы, а также пребывание за чертой бедности значительной части населения. Собственно в роли защитников интересов украинских детей-сирот и социально незащищенных слоев населения и выступали Греко-католическая церковь (далее – ГКЦ) и украинские общественные организации. Так, еще во время Первой мировой войны при содействии митрополита А. Шептицкого во Львове в 1916 г. был создан «Украинский епархиальный комитет опеки над военными сиротами». А в течение 1918 г. аналогичные епархиальные комитеты были созданы в Перемышле и Станиславе под патронатом епископов Й. Коциловського и Г. Хомишина. Главная задача комитетов заключалась в предупреждении смертности среди украинских детей, оказании помощи жертвам войны, сиротам и вдовам ду-

ховенства, опекунстве над ними, укреплении взаимоотношений между приходами. Каждый новообразованный фонд занимался также патронатом брошенных родителями детей в Галичине и за ее пределами, удерживая несколько захоронков в каждой епархии. Так, во Львовской епархии на конец 1918 г. Было 18 детских захоронков, а в Перемышльской и Станиславовской епархиях – по 6 захоронков [1].

При отдельных монастырях ГКЦ создаются детские дома, развитие которых финансово поддерживало созданное 23 марта 1918 г. при монастыре сестер-василианок во Львове благотворительное общество «Защита имени митрополита Андрея Шептицкого», которое содержало детские дома для детей-сирот. Общество, как было сказано в уставе, имело целью воспитывать сирот, лишенных родительской опеки в результате их смерти или гибели, или заброшенных воспитанием в семье [2, с. 78]. Членами-соучредителями опекунского общества были не только духовные лица (епископы, священники), но и известные светские лица, как: адвокаты В.Охримович и С. Федак (председатель краевого общества охраны детей и опеки над молодежью во Львове), историк А. Барвинский, литературовед К. Студинский и другие [12]. Кроме религиозных обществ защиты детей-сирот, инвалидами, убогими семьями и другими обнищавшими жертвами военного лихолетья занимались также «Украинское краевое общество охраны детей и опеки над молодежью», «Украинский общественный комитет», «Украинский фонд военных вдов и сирот» и другие [11, л. 5–8]. Их низовые ячейки тесно сотрудничали по месту дислокации с монашескими женскими и мужскими объединениями. Например, перед приходом Красной армии под опекой сестер служебниц действовало 86 детских домов, в которых находилось 5870 детей, которыми занималось 429 монахинь, из них: в Львовской епархии – 16 детских (детей – 2590, монахинь – 112), в Станиславовской – 33 приюте (детей – 1678, монахинь – 136), в Перемышльской – 37 детских (детей – 1735, монахинь – 181) [14; 15; 17; 18; 21–24].

Под опекой других монашеских конгрегаций во Львовской, Перемышльской и Станиславовской епархиях по

состоянию на 1937–1938 гг. было 42 захоронки, в которых содержалось более 800 детей-сирот [16; 19; 25]. Из мужских монашеских чинов отцы студиты занимались захоронками в Уневе, где содержалось 40 сирот-мальчиков и во Львове (24 мальчика) [20, с. 358–370].

С целью активизации помощи и координации деятельности 17 марта 1933 г. во Львове был создан «Украинский совет общественной опеки» (УРСО), в состав которого вошли представители от Львовского, Станиславовского и Перемышльского епископских ординариатов, а также от Главных управ «Родной школы», «Просвितы», «Краевого общества охраны детей и опеки над молодежью», «Украинской захоронки», «Общества вакационных домов», «Общества сторонников образования», родительских комитетов Украинской государственной гимназии во Львове, филиалы Украинской государственной гимназии и Девичьей гуманитарной гимназии «Родной школы», школы имени Маркиана Шашкевича, «Союза украинюк», «Украинского гигиенического общества», «Украинского врачебного общества» и «Украинского спортивного союза». Свою работу УРСО направляло на координацию действий в сфере общественной опеки, по выявлению и устройству детей-сирот, расширению сети попечительских учреждений, распространению информации о них и правовых знаний о социальной опеке [8].

Однако несмотря на наличие относительно большого количества детских благотворительных учреждений, в том числе и под опекой ГКЦ, по разным данным, на 1 января 1939 г. еще более 10 тыс. сирот находились вне убежищ [10, л. 66]. Кроме того, материальной поддержки нуждались дети, семьи которых находились на грани выживания. В связи с этим митрополичий ординариат в 1939 г. издал «Распорядок о захоронках и детских садах», в котором уделялось внимание необходимости их распространения на территории Галичины. Речь шла собственно о создании детских садов для детей дошкольного возраста и таких же яслей, но под названием «сохранишь» для детей 7–11 лет. В частности, в распоряжении отмечалось, что «пока нет в общине отдельного дома и сада для ведения этих институтов, надо стараться, чтобы сад

был ведомый возле церкви или в огороде какого хозяина, а захоронки в доме читальные или Народного дома или кооператива». Кроме того, митрополичий ординариат обращал внимание и на организацию детской занятости во время весенне-летних полевых работ, когда родители были заняты, а дети оказывались вне их контроля, испытывая вредное влияние улицы. Поэтому рекомендовалось монашеской конгрегации в период усиленной занятости населения на полевых работах содержать детей в приютах целый день, а не только до полудня, как это было обычно [6].

Таким образом, к первому приходу советской власти на западно-украинских землях сложилась собственная система опеки над детьми-сиротами, построенная по народной инициативе с участием ГКЦ, религиозных и светских украинских обществ, на благотворительные пожертвования которых содержались детские захоронки, детские дома, ясли, сады. Необходимо отметить, что системы опеки в западных областях продолжала действовать на народные пожертвования и во время нацистской оккупации.

В то же время советская система опеки над детьми-сиротами базировалась на основе соответствующих постановлений, указов, приказов, пропитанных большевистской идеологией. Одним из первых таких базовых документов была общая постанова ВЦВК и СНК УССР «Положение о мерах по борьбе с детской беспризорностью» от 23 ноября 1927 г. Ею предусматривалось введение ряда мер по устройству беспризорных детей: в учреждения охраны материнства и детства Народного комиссариата здравоохранения; в интернаты заведений социального воспитания и профессионального образования Народного комиссариата просвещения; в лечебные или медико-педагогические учреждения Наркомата социальной защиты; в семьи трудящихся, сельскохозяйственные коллективы и крестьянские хозяйства, а также передача на обучение кооперативным объединениям или отдельным ремесленникам и производственным предприятиям согласно действующему законодательству; устройство беспризорных детей на работу, согласно трудовому законодательству, в школы

социального воспитания и профессионального образования; передача беспризорных детей под опеку, патронирование или усыновление в соответствии с «Кодексом законов о семье, опеке, браке и об актах гражданского состояния» [3, с. 314]. Данным положением были определены органы опеки, которые должны были заниматься проблемой преодоления детской беспризорности. В частности, в союзных и автономных республиках работа по организации и реализации мероприятий в отношении детей в возрасте от 4 до 18 лет полагалась на Наркомпрос, а до 4 лет – на Наркоматы здравоохранения. Соответственно, на уровне краев, областей и районов – на местные органы наркоматов образования и здоровья, а в сельской местности – на сельские Советы депутатов трудящихся. На местах создавались отделы социальной опеки, действовавшей на основе инструкции, утвержденной Народным комиссариатом просвещения. Попечительские советы при органах социального обеспечения и районных исполнительных комитетов, а также городские, поселковые и сельские Советы устанавливали опеку и осуществляли меры попечения о несовершеннолетних в порядке, установленном законом. Кроме того, борьбу с детской беспризорностью вели общественные организации согласно своим уставам и положениям, координируя работу с Центральной комиссией помощи детям при ВЦИК и с местными комиссиями помощи детям, которые действовали на основе соответствующих положений.

Важно отметить и тот факт, что «Положением ...» определялись источники финансирования борьбы с детской беспризорностью, а именно: 1) из государственного и местных бюджетов и 2) за счет средств Центральной комиссии помощи детям при ВЦИК и ее местных органов, республиканского и местных фондов помощи беспризорным детям имени В.И.Ленина; 3) за счет специальных средств предприятий (мастерских, советских хозяйств) при детских учреждениях; 4) за счет специальных ассигнований правительства на эти цели; 5) за счет финансов общественных организаций, которые преследовали цель борьбы с детской беспризорностью. Деньги, выделяемые на борьбу с детской беспризорностью

из государственного и местных бюджетов, поступающие в распоряжение Народного комиссариата просвещения и здравоохранения по принадлежности, тратились в общем бюджетном порядке, контроль за которыми осуществляли соответствующие органы при Народном комиссариате финансов РСФСР [3, с. 315].

В совместном постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г. было определено, что Наркоматы союзных республик должны были заниматься проблемой детской беспризорности и безнадзорности, и были определены типы детских учреждений, находившихся в их подчинении. В частности, в ведение Наркомата образования относились детские дома «нормального типа» для детей, лишенных средств существования, детские дома, которые содержались за счет родителей, и детские дома для «трудных воспитанников»; в Наркомат здравоохранения – специальные детские дома для детей, нуждающихся в длительном лечении; в Наркомат социального обеспечения – специальные детские дома для детей-инвалидов [5, с. 194].

На основании документов 1930-х гг. базировалось постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» от 23 января 1942 г., в котором были определены первоочередные меры для решения вопроса с детьми-сиротами. В частности, от исполнительных комитетов Советов всех уровней требовалось создать при исполкомах постоянные комиссии, которые должны непосредственно заниматься выявлением и устройством детей-сирот, родители которых погибли, в детские дома, а также решать вопрос о передаче таких детей под патронат трудовых коллективов и семей. В состав комиссий входили представители от исполнительной власти, милиции, образования, здравоохранения, профсоюзных и комсомольских организаций.

На органы НКВД была возложена задача выявлять и брать на учет безнадзорных и беспризорных детей и через детские комнаты милиции и приемники-распределители направлять их в детские дома. С целью поиска родителей постановлением предусматривалось создание Центрального

справочного детского стола и справочных адресных детских столов при областных управлениях НКВД, в которых заносились в реестр все дети, которые проходили через детские комнаты милиции и приемники-распределители с указанием адреса их дальнейшего пребывания [9, л. 41].

Аналогичное по содержанию постановление приняли 27 марта 1943 г. СНК УССР и ЦК КП (б) У, в которой требовали от местных органов власти к 1 апреля 1943 г. разработать детальный план организации для детей-сирот, родители которых погибли на фронтах войны, специальных детских домов в районах, освобожденных от нацистских оккупантов. Восстановление и создание новых детских домов возлагалась на Наркомат просвещения УССР, а в областях – на областные отделы народного образования и исполкомы местных Советов депутатов трудящихся [7, с. 341].

С целью недопущения дальнейшего роста преступности в среде беспризорных детей и, соответственно, ее профилактики СНК СССР принял 15 июня 1943 г. постановление «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», в которой от органов НКВД, кроме увеличения количества детских комнат милиции и приемников-распределителей, требовалось также и расширение сети детских трудовых воспитательных колоний (ДТВК) и детских колоний (ГТК), в которых должны были содержаться подростки в возрасте от 11 до 16 лет как склонные к правонарушениям (ДТВК), так совершившие преступление и имевшие судимость (ГТК) [13].

Важным в плане восстановления и расширения сети детских сиротских учреждений было постановление СНК СССР от 1 сентября 1943 г. «Об улучшении работы детских домов». В нем от наркоматов образования, здравоохранения и социального обеспечения требовалось активизировать работу по расширению сети детских домов на освобожденных территориях и по устройству к ним детей-сирот; обеспечить детские дома необходимым инвентарем, продуктами питания, санитарно-медицинским осмотром воспитанников, а также квалифицированными кадрами [4, с. 305].

На большинстве освобожденных от нацистских оккупантов территорий Украины работу по восстановлению детских домов приходилось начинать практически с нуля, поскольку почти все бывшие помещения находились в разрушенном или полуразрушенном состоянии.

Выводы. Таким образом, характеризуя советское и польское законодательство межвоенного периода в сфере противодействия и борьбы с детской беспризорностью, следует сделать следующие выводы:

1) для западно-украинских земель было характерно решение вопроса детской беспризорности благодаря инициативе общественных институтов и церкви, а для УССР – нормативно-правовое регулирование и четкие идеологические рамки;

2) характерной чертой борьбы с детской беспризорностью на западно-украинских землях было создание благотворительных учреждений, которые заботились о детях, занимались их воспитанием и образованием;

3) в Советской Украине борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью осуществлялась в таких формах, как создание специализированных государственных и общественных учреждений, а именно детских домов и интернатов, детских комнат, столов учета, детских приемников-распределителей.

Список использованной литературы:

1. Греко-католицька церква і добродійність // Мета. – 1931. – 5 липня.
2. Лициняк В. Товариство «Захист ім. митрополита Андрея графа Шептицького для сиріт у Львові» (Його початок і розвиток по кінець 1925 р.) / В. Лициняк // Богословія. – 1926. – С. 78.
3. Михайленко П.П., Кондратьев Я.Ю. Історія міліції України у документах і матеріалах. У 3-х т. – Том 2. 1926-1945 / П.П. Михайленко, Я.Ю. Кондратьев. – К. : Генеза, 1999. – 412 с.
4. Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции. – М. : Госучпедгиз, 1948. – 482 с.
5. Подкур Р. «Дитячий ГУЛІАГ» в контексті політики державно-

го терору (1937–1939 рр.) / Р. Подкур // Зархівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – К. : Міжнародний благодійний фонд «Видавництво СФЕРА», 2008. – № 28. – С. 189–204.

6. Розпорядок митрополичого ординаріату про захоронки й дитячі садки // Мета. – 1939. – 21 травня.

7. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Док. и матер.: В 3-х т. – Т. 2. – Док. № 254. – С. 341.

8. Українська рада суспільної опіки // Діло. – 1933. – 6 травня.

9. ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 73. – Спр. 332. – Арк. 41.

10. ЦДАЛ. – Ф. 358. – Оп. 1. – Спр. 115. – Арк. 66.

11. ЦДАУ. – Ф. 572. – Оп. 1. – Спр. 1. – Арк. 5–8.

12. ЦДАУ. – Ф. 572. – Оп. 1. – Спр. 13. – Арк. 18.

13. Шевченко А., Шевченко Д. Національна політика СРСР у сфері боротьби з дитячою безпритульністю і бездоглядністю у 1941–1945 рр. / А. Шевченко, Д. Шевченко [Електронний ресурс]. – Режим доступу : www.kby.kiev.ua/komitet/conference/Shevchenko_2t.pdf.

14. Шематизм всего греко-католического клира злучених епархій Перемиської, Самбірської, Сяницької на рік Божий 1924. – Перемишль : Накладом епархіального духовенства, 1923. – 117 с.

15. Шематизм всего греко-католического клира злучених епархій Перемиської, Самбірської, Сяницької на рік Божий 1930. – Перемишль : Накладом епархіального духовенства, 1930. – 258 с.

16. Шематизм всего греко-католического клира злучених епархій Перемиської, Самбірської, Сяницької на рік Божий 1938/39. – Перемишль : Накладом греко-католицької єпископської консисторії, 1938. – 168 с.

17. Шематизм всего духовенства греко-католицької Львівської митрополичої архієпархії на рік Божий 1924. – Львів : Накладом архієпархіального духовенства, 1924. – 346 с.

18. Шематизм всего духовенства Львівської митрополичої архієпархії на рік Божий 1930. – Львів : Накладом кооперативу «Власна допомога», 1930. – 164 с.

19. Шематиз мвсего духовенства Львівської митрополичої архієпархії на рік Божий 1938. – Львів : Накладом митрополичої консисторії, 1938. – 114 с.

20. Шематиз мвсего духовенства Львівської митрополичої архієпархії на рік Божий 1935/36. – Львів : Накладом митрополичої консисторії, 1935/36. – 400 с.

21. Шематиз мвсего клира греко-католицької єпархії Станіславівської на рік Божий 1925. – Станіславів : Накладом клира єпархіяльного, 1925. – 325 с.

22. Шематиз мвсего клира греко-католицької єпархії Станіславівської на рік Божий 1929. – Станіславів : Накладом клира єпархіяльного, 1929. – 186 с.

23. Шематиз мвсего клира греко-католицької єпархії Станіславівської на рік Божий 1930. – Станіславів : Накладом клира єпархіяльного, 1930. – 194 с.

24. Шематиз мвсего клира греко-католицької єпархії Станіславівської на рік Божий 1931. – Станіславів : Накладом клира єпархіяльного, 1931. – 194 с.

25. Шематиз мвсего клира греко-католицької єпархії Станіславівської на рік Божий 1938. – Станіславів : Накладом клира єпархіяльного, 1938. – 216 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрухив Олег Игоревич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени Короля Данила Галицкого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrukhiv Oleg Igorevich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after King Danylo Halytskyi

lm.ilyn@gmail.com

УДК 347.7

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЧИСЛЕНИЯ И УПЛАТЫ ПРОЦЕНТОВ ПО КРЕДИТНОМУ ДОГОВОРУ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Анатолий БАБАСКИН,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела проблем гражданского, трудового и предпринимательского права Института государства и права имени В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины

Анотація

В статье рассмотрены проблемные вопросы правового регулирования начисления и уплаты процентов по кредитному договору. На основании проведенного исследования автором сделан вывод о том, что Гражданский кодекс Украины в недостаточной мере регулирует отношения, связанные с начислением и уплатой процентов, сложных процентов, процентов в составе аннуитетных платежей, авансовой уплатой процентов, использованием в кредитном договоре нескольких фиксированных процентных ставок. Ввиду отсутствия надлежащего регулирования указанных отношений в гражданском законодательстве Украины автором предложено внесение соответствующих изменений в Гражданский кодекс Украины.

Ключевые слова: кредит, кредитный договор, проценты, сложные проценты, аннуитетный платеж, дифференцированный платеж, фиксированная процентная ставка.

ON THE IMPROVEMENT OF THE LEGAL REGULATION OF THE ACCRUAL AND PAYMENT OF INTEREST ON A LOAN AGREEMENT (CIVIL ASPECTS)

Anatoliy BABASKIN,

Candidate of Law, Senior Research Officer of the Department of Problems of Civil, Labor and Entrepreneurial Law of V. Koretsky Institute of state and law of National Academy of Sciences of Ukraine

Summary

The article deals with the problematic issues of the legal regulation of the accrual and payment of interest on a loan agreement. On the basis of the conducted research, the author concluded that the Civil Code of Ukraine does not adequately regulate the relations associated with charging compound interest, interest in the composition of annuity payments, advance payment of interest, and the use of several fixed interest rates in the loan agreement. lack of proper regulation of these relations in the civil legislation of Ukraine, the author proposed the introduction of amendments to the Civil Code of Ukraine.

Key words: loan, loan agreement, interest, complex interest, annuity payment, differentiated payment, fixed interest rate.

Постановка проблемы. Действующие нормы статьи 1056-1 Гражданского кодекса Украины «Проценты по кредитному договору» регулируют лишь использование в кредитном договоре определенных законом типов процентных ставок (фиксированные, изменяемые). В то же время Кодекс должным образом не регулирует начисление по кредитному договору процентов, сложных процен-

тов, уплату процентов в составе аннуитетных платежей, авансовую уплату процентов, использование в кредитном договоре нескольких фиксированных процентных ставок и т.д. Указанное свидетельствует о том, что нормы Кодекса, которые регулируют проценты по кредитному договору, являются несовершенными.

Актуальность темы исследования. В научной литературе пробле-